

АГНЕССА ВЛАДИМИРОВНА

Именем ее нарек дядя. Мать долго упрашивала брата стать крестным отцом. Но молодой человек, вступивший в пору воинствующего атеизма, дал согласие лишь при одном условии: «Я сам придумаю имя девочке». Вот и стала она носить имя романтической принцессы Средневековья.

Окна квартиры Агнессы Владимировны Колчиной ни с чьи ни передуптаешь. На широких подоконниках уютно расположились тенистые мандарины, зеленые лимоны. Увесистые плоды южных цитрусовых издаലെка привлекают внимание прохожих.

В квартире тишина. Вчера развезались дочери, зятя, внуки. Остался запах от букетов роз, подаренных в день рождения. Агнесса Владимировна провела по комнатам:

— Пятьдесят лет живем в этой квартире. Когда приехали в Первоуральск был маленький селенчик. Тогда я адрес писала коротко: Сонгород, первый каменный. Было всего три каменных дома.

С фотографий улыбаются внуки, дочери. Разглядывая лица на пожелтевших снимках тех времен, когда на улицах ветер раскачивает вывески частных магазинов, а гимназистки ходили с накрахмаленными воротничками и тугими косичками. Представляю кавказский город Армавир, семью, которая после раскулачивания была вынуждена доехать за каменный пояс Урала, под Тавду.

— Правда, что ваши родители дворяне?

Агнесса Владимировна задумчиво улыбается:

— При Екатерине II, ко-

гда Кавказ заселялся русскими, мои прадеды были помещиками. А родители — раскулаченные крестьяне...

На столе в изящных фарфоровых чашках дымятся чай, пробую знаменитые торты.

— Вы любите свою работу, — неожиданно спрашивает Агнесса Владимировна. Я с удивлением смотрю в ее добрые глаза, что-то смущенно бормочу про мужи творчества, про непредсказуемость журналистского пути. Она внимательно слушает, и вдруг ее лицо озаряется:

— Не мыслю себя без поликлиники, без больных... Я приехала сюда сразу после окончания зубоучебного училища. Помню, как пришел на прием первый пациент: заросший щетиной мужчина, с огромной опухшей щекой. Не спал из-за боли несколько ночей. По-

смотрела на него, напрочь забыла, чему учили. Потом взяла себя в руки. На следующий день мой больной пришел побритый, улыбающийся.

Так в Первоуральске появился первый зубной врач. Среди молодых людей слух прошел: «Молодежькая, симпатичная». Заспешила на прием искатели счастья.

— Пришел как-то ко мне больной. Жалуется. Осмотрела, постучала инструментом, да не по «больному» зубу, а по здоровому. Он кивнул, что «больно». И мне все стало ясно, «Залечила» на всю жизнь.

Совсем недавно справились с Виталием Александровичем золотую свадьбу.

Судьбу ее не обошел 1941 год. Организовали военный госпиталь. Ходили по домам, выпрашивали лишнюю тарелку, ложку для ране-

ных. Дочь родилась в войну.

— Бормашина, смешно вспомнить, напоминала ножную швейную машину Раскачиваешь педаль — работает.

За пятьдесят два года ее работы в городе появилось большое количество людей, желающих лететь только у Колчиной. Одно время талоны к стоматологу вылавливали в соответствии с пропиской, так больные упрямылись, настаивали в регистратуре только вздыхали:

— К Колчиной талоны из рук вырвут...

...На столе, на тумбочке — ажурные салфетки. Все сшито, связано ее умелыми руками.

— В войну бедно жили. Достанешь кусочек ткани, сбвжешь, получается нарядно. Мама меня научила вязать, шить. Дочки мои тоже все умеют. А как го-

товит Элла, да и Леночка, и Лялька! Одна всех обязывает, другая шьет все из самых модных журналов.

И в поликлинике модницы всегда с Агнессой Владимировной советовались.

...На часах 7.40. Утро. До начала работы остается 20 минут. Входит врач Колчина, садится за стол. Аккуратно рассказывает карточки. Собирается с мыслями.

— Агнесса Владимировна всегда расстраивается, когда кто-нибудь из больных не приходит. — рассказывает медсестра В. А. Клепча. — Сердилась, когда пациенты опаздывали.

— Время ушло, я не могу вас принять. — строго произносила она, глядя на провиника. Тогда я тихонько выковыляла за дверь и прочла больного пологать. Через некоторое время Агнесса Владимировна спрашивала:

— Валя, тот больной уже ушел?

— Сидит.

— Ну, давай. Не переломлюсь.

А если все-таки ушел, переживала еще больше. Сердилась на себя: «Ничего бы со мной не случилось, если бы вылечила...»

— Если бы вы знали, как тянулось за ней молодое врач! Скольких она выучила, — продолжает разговор врач Н. М. Бурялова. — Бывает, заплыхасься с «острой болью», Агнесса Владимировна словно чувствует твоё бедственное положение, приходит на помощь. Никаких личных разговоров за работой; тишина в кабине-

те. Но зато как мы любили обеденный перерыв, когда можно поговорить обо всем: о политике, о книгах, узнать рецепты солений. А лучше Агнессы Владимировны торты никто не умеет стряпать.

Сама не заметила, как в текст прокрадлись глаголы прошедшего времени. Наверное, потому, что за несколько дней до окончания отпуска Агнесса Владимировна зашла к своим коллегам и сказала:

— Я пришла с вами попрощаться. Больше работать не буду. Ничего не говорите, а то расстреляю. Я все обдумала и решила...

Горячий чай обжигает. Тают во рту кусочки торта. Агнесса Владимировна рассказывает про внучат.

— Внук вышел на балкон и увидел, как над цветами кружит шмель. Спрашивает: «Бабушка, а что он в шмельке делает?» «Моя собиратель», — отвечает. Смотрю. Шмель часом с цветка залез «Шурик, что ты делаешь?» А он мне: «Я ведь тоже мед люблю». — Бабушка смеется. — Старший внук недавно женился, младшенькая такая шустрая, а как танцует!

Лет много. Сколько прожитых дней!

— Переворот назался в Москве так я три дня от родственника не отходил. Газет и журналов выпала на 200 рублей.

На прощанье выпашивую рецепт знаменитых солений огурцов. Влобавок подумую приглашение:

— Приходите зимой пить чай с лимоном.

Выхожу тонкий аромат цветов, на дuche остается приятная теплота встречи.

Е. КАРПОВА.

